

другие изображения бытового искусства города, а также изображения в крестьянском искусстве древней Руси, известные по вещам, найденным при археологических раскопках сельских могильников XI—XII и последующих веков. Это — изображения птиц, некоторых домашних животных, всадников и т. п. Как бы ни истолковывать их,⁷² они не имеют, конечно, никакого отношения к церковной идеологии.

Еще одно сопоставление. Как уже говорилось, древнерусская живопись знала портрет. Она изображала современников ради того, чтобы запечатлеть их образ, и таких изображений дошло до нас не так уж мало. С другой стороны, художник древней Руси, писавший иконы святых, добивался в определенных случаях создания выразительных и очень индивидуальных по характеристике образов.

И вот что опять-таки интересно и важно. Портреты современников, исполненные по заказу тех, кого они изображали, художниками, знавшими свои оригиналы, менее портретны, нежели некоторые изображения святых. Произведения, сделанные с натуры или имевшие в виду воспроизвести натуру, изображавшие людей, хорошо известных художнику и зрителю, — эти произведения оказываются менее конкретными, чем образы, созданные преимущественно творческой фантазией художника, оформлявшиеся и изменявшиеся в процессе развития художественной традиции. Таковы, например, мозаичные изображения Иоанна Златоуста, Григория Чудотворца и Василия Великого в алтаре Киево-Софийского собора, икона Николы из Новодевичьего монастыря, икона Николы же из церкви Николы на Липне и др. Эти и подобные им изображения дают яркие портретные характеристики, раскрывающие своеобразную физическую и психологическую индивидуальность изображенного персонажа. Притом художественный образ не всегда оставался неизменным, и «портреты» одного и того же святого могли быть различны. Так, различны, и каждое по-своему выразительно, изображения Николая Мирликийского в росписи Киево-Софийского собора, на иконе из Новодевичьего монастыря и на иконе из церкви на Липне. Вместе с тем в портретах современников художник не шел дальше передачи немногих внешних признаков, и если изображаемый персонаж не был наделен какими-либо особыми, отличавшими его чертами, в его изображении было очень мало индивидуального.

Итак, условность древнерусского изобразительного искусства не может быть объясняема религиозной тематикой, хотя последняя занимала в нем очень большое место. Да и вообще тема, как и сюжет, не определяет содержание искусства и его стиль. Здесь можно вспомнить, например, искусство Возрождения или же античное искусство зрелой поры, которое питалось в значительной мере религиозными темами и было вместе с тем реалистическим. С другой стороны, следует напомнить так называемое народное искусство XVIII—XIX вв. Свои новые темы и сюжеты оно брало преимущественно из окружающей действительности, однако это бытовое искусство оставалось условным.⁷³

Кстати сказать, из примера хотя бы того же народного искусства следует, что значительная степень условности изображения сама по себе, взятая вне зависимости от других особенностей изображения, не означает непременно разрыва искусства с действительностью. Чтобы быть отражением последней, искусству вовсе не обязательно передавать все качества предмета и явления и изображать все с одинаковой точностью.

⁷² Б. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн.: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 399—404.

⁷³ Г. Малицкий. Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства. Казань, 1923.